

Попытки организовать эффективный кредит для бизнесменов и застройщиков Киева восходят еще к концу XVIII века. Уже тогда под названием Общественной комиссии был создан своего рода ссудный банк, из которого предприимчивые обыватели брали займы на «устройство» своих дел. Конец его был плачевен. Размещалась Общественная комиссия на Подоле, и во время грандиозного пожара 1811 года документация банка сгорела, в том числе и принадлежавшие ему векселя на 600 тысяч рублей.

Позже, в 1830-х годах, стимулированием киевской экономики при помощи кредитов занялось правительство. Был ассигнован специальный «строительный капитал», который предоставлялся жителям города на льготных условиях для развития хозяйства и подворий. Однако расчет властей не оправдался: хитрые киевляне охотно разбирали ссуды, но использовали средства не по назначению.

Не достиг успеха и эксперимент начала 1860-х годов, когда местная контора Государственного банка стала учитывать торговые векселя горожан. И на сей раз кредит не пошел впрок. Между тем как раз в это время управляющим Киевской конторой Госбанка был известный финансист, коренной киевлянин Николай Бунге.

Он-то хорошо знал, какие именно сферы здешнего предпринимательства нуждаются в материальной поддержке и где эта поддержка может оказаться особенно эффективной, без риска для кредитного учреждения. Но широко привлечь для этих целей деньги Госбанка, операции которого были ограничены уставными рамками, Бунге не мог.

И тогда Николай Бунге взялся за организацию частного банка на особых началах. Он тонко чувствовал разницу между государственным и взаимным кредитом. Одно дело, когда деньги берутся в долг из державной казны, у абстрактных чиновников, которым безразлично назначение ссуды. Совсем иное — если горожанина кредитует сообщество таких же обывателей, соседей, знакомых. Они в курсе хозяйственных дел заемщика, и на глазах у них одолженные деньги куда вероятнее найдут полезное для частного и городского хозяйства применение. Так родилась идея создания Киевского городского общества взаимного кредита. Весной 1868 года царь Александр II высочайше утвердил

его устав.

Правила игры

Первый параграф устава гласил: «Киевское городское общество взаимного кредита имеет целью доставить городским жителям, преимущественно же занимающимся торговлею и другими промыслами, капиталы под надежные обеспечения и на короткий срок». На практике это положение реализовывалось следующим образом.

Пользоваться ссудами могли только члены Общества взаимного кредита. Вступительные взносы составляли не менее 10 рублей, и из этих сумм формировался оборотный капитал. Кредит предоставляли в пределах десятикратного взноса, на срок до 9 месяцев или до востребования. Условия кредита оговаривались индивидуально по правилам, установленным Советом Общества. Заемщик давал вексель, обеспечением которого служили принадлежащие ему товары и ценности.

Их стоимость определяли специальные представители Общества. Широко практиковался ипотечный кредит под городскую недвижимость. В этом случае ссуда, как правило, не превышала половины оценки залога, то есть была вполне гарантирована. Векселя, к слову, облагались специальным сбором — по 15 коп. с каждой сотни рублей; на недвижимость оформлялось также нотариальное залоговое свидетельство, за которое удерживался актовый сбор 50 коп. с каждой сотни.

Общество взаимного кредита брало с заемщиков примерно те же проценты, что и другие банки (в начале XX века краткосрочную ссуду в Киеве можно было получить из расчета 7-8% годовых). Но киевские предприниматели оценили выгодные для них нюансы правил деятельности Общества. Начать с того, что здесь выплачивали заемщикам живые деньги, тогда как многие другие банки вместо наличных выдавали облигации, подверженные изменениям биржевого курса.

Далее, Общество удовлетворялось простыми векселями с одной подписью. В других банках предпочитали передаточные векселя или требовали подписи авалиста, а проценты брали вперед; в данном же случае система взаимного кредитования горожан под надежное обеспечение позволяла обойтись без этого. Взаимоотношения Общества с

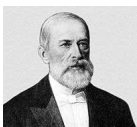
заемщиками предусматривали для последних максимум удобств: они могли в любое время погасить ссуду полностью или частично, проценты начислялись посуточно.

Многие члены Общества взаимного кредита находили выгодным не брать у него ссуды, а, напротив, помещать вклады. По истечении финансового года Общество взаимного кредита выплачивало дивиденды — как правило, на уровне 7% от вклада, что существенно превышало ренту Госбанка. Но за вкладчиками охотились и другие кредитные учреждения, число которых с годами росло; порой они предлагали еще более выгодные условия.

В конкурентной борьбе Общество все же не выходило за рамки разумной осмотрительности. Его руководство применяло дифференцированный подход к клиентам. Среди них были заемщики, чьи проценты по векселям составляли доход Общества; были активные вкладчики, доставлявшие необходимые для оборотов средства.

Ясно, что они приносили Обществу взаимного кредита больше пользы, нежели те его члены, которые держали небольшой взнос на всякий случай, — вдруг возникнет нужда в срочном кредите. Поэтому Совет Общества выделял часть прибыли для так называемых операционных премий. Их распределяли между крупными вкладчиками и заемщиками, для первых стимулируя размещение капиталов, для вторых — удешевляя кредит.

Выгода и польза

Главой первого состава Совета Общества, избранного в июне 1868 года, стал Николай Бунге, его товарищем (заместителем) — местный купец Николай Попов. Через три года, когда дела банка наладились, Бунге уступил бразды правления достойному преемнику — Густаву Эйсману, профессору Киевского университета, одному из лидеров городского самоуправления. И в последующие годы Совет формировался из уважаемых киевлян: гласных местной думы, домовладельцев и купцов, интеллигенции — юристов, экономистов, состоятельных врачей.

Благодаря грамотному руководству Общество взаимного кредита неизменно способствовало развитию киевской экономики. Трудно переоценить, в частности, его роль в оживлении коммерческого домостроительства. Желающие соорудить новое здание могли оперативно получить ссуду под залог участка и даже начатого строительства. Потом ее можно было продлевать сколько угодно, постепенно рассчитываясь.

Впрочем, к концу XIX века в Киеве уже был известен долгосрочный строительный кредит, когда ссуду выдавали сроком на несколько десятилетий и заемщик рассчитывался регулярными аннуитетными платежами, из которых часть шла в проценты, а часть — в погашение (вплоть до полной компенсации ссуды к концу срока). Это была довольно удобная система, но она эффективно работала уже после того, как построенный дом начинал приносить доход. В итоге разные банки прекрасно друг друга дополняли. Как правило, застройщики вначале обращались в Общество взаимного кредита за краткосрочной строительной ссудой, а потом рассчитывались за нее облигациями, позаимствованными в учреждении долгосрочного кредита.

«Прочно стоящее кредитное учреждение»

Взвешенная финансовая политика позволяла Обществу успешно выдерживать колебания рынка. Однажды ему удалось справиться даже с последствиями крупной растраты. Дело было в 1882 году, когда вице-управляющим и кассиром Общества взаимного кредита состоял некий Михаил Свиридов. Наличность в кладовой была столь велика, что ревизия требовала нескольких дней.

Отметим заботу об удобствах клиентов: даже в ходе проверок банк продолжал ежедневные операции (на время их проведения ревизия прерывалась). Свиридов заметил, что в момент перерыва уже проверенные ценности не изолировались от подлежащих проверке, оставаясь в его распоряжении. И кассир поддался искушению.

Он растратил крупную сумму, но это некоторое время оставалось незамеченным, так как при проверках он предъявлял для нескольких ссуд одни и те же обеспечения. Разоблачение произошло благодаря случайности. Выявились какие-то неточности в записях ссуд, потребовавшие внеочередной проверки, и тут-то заведующему счетной частью Общества пришлось в голову запереть уже просмотренные документы отдельно...

Как выяснилось, Свиридов и его подручный Рейнман присвоили ни много ни мало 273 374 рубля 19 копеек. Растратчиков, естественно, отдали под суд. В городе эта история вызвала шоковую реакцию. Из уст в уста передавали куплет, пародирующий известное стихотворение поэта Хомякова:

Высоко передо мною

Старый Киев над Днепром,

Где украл кассир Свиридов

Триста тысяч серебром.

Получить назад хоть часть этой огромной суммы представлялось проблематичным (впоследствии от продажи конфискованного имущества Свиридова удалось выручить всего-навсего шесть с половиной тысяч). Тем не менее, Обществу взаимного кредита не пришлось трогать оборотные средства: недостача активов вполне покрывалась годовой прибылью и частью резервного капитала. Однако вследствие растраты членам Общества пришлось остаться без дивидендов за истекший год.

И тогда Густав Эйсман, в то время уже не руководитель Общества, но член Совета и городской голова, предложил для поддержания престижа учреждения произвести складчину. Он первый выложил из собственного кармана сто тысяч рублей. Правда, Эйсман был миллионером, крупным домовладельцем, так что мог себе позволить подобный жест. Некоторые коллеги поддержали его (хоть и не столь щедро), и в результате Совет собрал 140 тысяч рублей для обращения в дивиденды.

Киевляне отдавали должное добросовестному учреждению. На десятом году существования Общества взаимного кредита число его членов достигло полутора тысяч и в дальнейшем ни при каких финансовых потрясениях не опускалось ниже этой

отметки. Совет Общества способствовал этому, нередко идя навстречу заемщикам.

Так было, к примеру, во время кризиса начала 1900-х годов, когда существенно упали доходы с домовладений. Многие члены Общества, взявшие кредиты под обеспечение недвижимости, затруднялись платить проценты по вексялям. Это могло привести к массовой распродаже домов и обвалу цен. Но Совет точно учел ситуацию и на время кризиса позволил неисправным должникам отсрочить платежи, заменив их так называемыми переборными вексялями (сверх уставного максимума ссуды).

Недаром в 1903 году один из ревизоров Министерства финансов отметил в своем отчете, что «Киевское общество взаимного кредита представляется прочно стоящим кредитным учреждением, имеющим значительную клиентуру и пользующимся доверием со стороны местных жителей».

Офис на Крещатике

О солидности банка свидетельствовало и местонахождение его резиденции. На первых порах Обществу приходилось пользоваться одним из помещений киевской конторы Госбанка, которое бесплатно предоставил Бунге. Но со временем оно получило возможность разместиться в нанятом доме на центральной улице Киева. А затем был поднят вопрос о постройке собственного офиса.

Специальная комиссия, занимавшаяся этим делом, однозначно указала: «Помещение для банка должно быть на Крещатике». В конце концов, в 1890-х годах удалось воспользоваться незастроенным участком, предоставленным по контракту на 30 лет Дворянским собранием, близ угла нынешнего Майдана Незалежности. Здесь за счет запасного капитала было возведено здание Общества взаимного кредита с офисными помещениями, надежными кладовыми, архивом (теперь на этом месте — крыло Дома профсоюзов со стороны Крещатика).

Оклады служащих Общества были сравнительно скромными. Зато руководство позаботилось об их обеспечении после утраты трудоспособности. Ежегодно из доходов Общества шли отчисления в пенсионный капитал, в случае особой нужды выплачивались целевые пособия. Общество выделяло различные пожертвования на общественные

нужды. В их списке можно обнаружить и пять тысяч рублей в пользу Политехнического института, и 50 рублей на памятник Тарасу Шевченко. В ознаменование заслуг Николая Бунге и Густава Эйсмана.

Составляя отчет за 1910 год, Общество взаимного кредита в очередной раз констатировало, что «ход операций и достигнутые результаты находятся в соответствии с многолетним благоприятным течением дел Общества». Суммарный годовой оборот по всем видам операций составил тогда астрономическую цифру — почти 490 миллионов рублей. Но то был конец последнего благополучного десятилетия. Нетрудно догадаться, как сказались на судьбе почтенного финансового учреждения Первая мировая война и революция. В конце концов, и дома, и товары, и ценности были экспропрированы большевистской властью под лозунгом «Грабь награбленное!».

Михаил КАЛЬНИЦКИЙ